

За рубежом. — 1992 — 13-18 июня (№ 24). — С. 18-19

Филипп НОРМАН

«РОЛЛИНГ СТОУН», НЬЮ-ЙОРК.

УЛИЦУ эту близ сверкающего белозолотой Холланд-парка не называли самой феерической в этом лондонском районе. На углу — невзрачный паб с выписанным на грифельной доске меню и несколькими столиками на открытом воздухе с решетчатой оградой. На другой стороне — ряд двухэтажных домиков с незамысловатыми фасадами постройки начала прошлого века, в свое время предназначенных для прислуги из расположенных подальше богатых особняков. Ныне их подновили и подкрасили, но им по-прежнему очень далеко до жилищ миллионеров. Только один из них, в середине, выделяется на фоне своих соседей. На его узкий фасад откуда-то пересяжен роскошный фронтон с претензией на архитектурный стиль конца XVIII века. Кроме того, это единственный во всем ряду дом со звуковым и световым сигналами для охраны. Рядом припаркован бледно-зеленый «Роллс-Ройс».

В ответ на звонок за большими, не по размеру дома, дверями раздается неустойчивый лай. В то же мгновение со стороны паба через улицу к дому устремляется какой-то человек — судя по фигуре явно телохранитель.

Лай, как оказывается, исходит не от ротвейлера или немецкой овчарки, а от тощей, серой с белым, дворняжки с добродушным выражением на глупой, заросшей шерстью мордочке. Виляя хвостом, песик беспокойно суетится у обтянутых полосатыми брюками ног слуги — американского негра.

Томас считает, что все приходит специально, чтобы посмотреть на него, — поясняет слуга, кивая в сторону собаки.

Он ведет меня по узкому сумеречному вестибюлю. С левой стороны — витрина со множеством висящих в рамочку снимков хозяйки дома, запечатленного в самых разных шляхах на голове, в компании то с членами королевской семьи, то с известными спортсменами, то с кинозвездами. Справа — небольшая, расположенная ниже вестибюля гостиница с бледно-желтыми стенами и обитыми ситцем креслами. И здесь, наконец-то, сам хозяин, Элтон Джон. Долго же пришлось мне ждать этой встречи!

Более двух лет я, не имея на то полномочий, был биографом певца и окончательно смирился с отказом ведущей его дела фирмы допустить меня к нему. Теперь моя книга о нем вышла в Англии. В ней полно историй, анекдотов, рассказанных про Элтона его друзьями, коллегами, даже близкими родственниками. Она насыщена музыкальными, бытовыми и прочими подробностями его жизни, но, увы, не содержит ни одного высказывания того, кому посвящена.

Два дня назад, когда я после обеда дремал на диване в своем кабинете, грустя по поводу того, что еще один труд позади, вдруг зазвонил телефон. Я поднял трубку, ожидая услышать голос жены, но в ней прозвучал мягкий торопливый говорок:

— Алло! Это Элтон. Я сейчас читаю вашу книгу. Похоже, пока в ней все довольно правильно. Не зашли бы на чашку чаю?

Вот ведь как бывает — описываешь жизнь человека, располагая только сведениями из вторых рук, чтобы потом встретиться с ним воочию. Все равно что пожать руку вымышленному герою романа. Те подробности его внешности, которые я настойчиво высвечивал и подчеркивал на протяжении 500 страниц, меркнут, зато те, что казались второстепенными, в реальной жизни выглядят значительными. Во плоти он выше ростом, бледнее и стройнее, чем я предполагал. На нем синяя бейсбольная шапочка, мятая футболка, полосатые штаны и замасловато зашнурованные красно-коричневые остроносые туфли. Но есть по крайней мере одна черточка, которая не ускользнула от автора книги: во время разговора нервный указательный палец беспрерывно поправляет на носу очки.

Прикажете ветру не дуть!

...ТО, что вы прочтете, — не интервью. В ходе интервью один из собеседников задает вопросы в надежде

Об этом 45-летнем рок-певце написано столько, что даже сама Мадонна могла бы, наверное, позавидовать его популярности среди журналистов. Но ведь оно и понятно: своими манерами и экстравагантными манерами Элтон всегда давал обильную пищу для сенсационных публикаций. И тем не менее одно дело — бесчисленные рассказы, анекдоты о нем, насмех сделанные с ним интервью. Другое — когда артист не торопясь говорит о себе сам. Причем не просто даже говорит, а как бы исповедуется во всем, что было и что есть. Именно в такую исповедь много грешившего, но и во многом раскаявшегося человека вылилась встреча Элтона с одним из его биографов. Похоже, «звезда» тут не лукавит и не паясничает, как это с ним часто случалось, а выкладывает правду. Ну, а правда, какой бы она ни была, всегда лучше лицемерного умалчивания или вычуркивания из биографии кумира «нежелательных пассажей», рано или поздно становящихся достоянием гласности.

Фото «Фигаро-магазин», Париж

ЭЛТОН ДЖОН: «Со мной все в порядке»

не мытьем так катаньем выудить информацию у другого. Здесь же царит понимание, что мне известны каждый изгиб, каждая трещина первых сорока трех лет жизни Джона. Мы переходим прямо к делу, к середине 1990 года, на которой заначивается мое биографическое повествование. Вопросы почти не задается. Он говорит сам в течение двух часов, будто диктует главу-постскриптум:

— Мне просто хотелось объяснить, почему я писал книгу. Я ничего не имел лично против вас. Дело лишь в том, что два года назад, когда вы обратились ко мне, я был ни на что не способен и от меня не было бы никакого толку. Теперь я в норме. Я нашел человека, которого по-настоящему люблю. Так люблю, что это трудно выразить словами. Я теперь вполне спокойно отношусь к тому, что я гомосексуалист. Наконец-то я решил все свои проблемы. Впервые за свою жизнь я действительно счастлив и полон оптимизма.

Даже для его биографа это признания явились полной неожиданностью. Потому что два года назад, когда Элтон Джон частично ушел от дел, казалось, что уже тогда у него не осталось нерешенных, нераспутанных проблем. Он расторг свой непродолжительный брак с Ренатой Блауэл, которая одно время была его звукооператором. Получил миллион фунтов стерлингов от газеты «Сан» в качестве компенсации за ущерб, причиненный порочащими его утверждениями о том, что он якобы устраивал оргии с участием несовершеннолетних. Пропал с аукциона содержимое своего особняка Вудсайд в Старом Виндзоре. Сегодня он говорит:

— Оставалась единственная проблема, в которой я не разобрался: я сам. Я был наркоманом. Алкоголиком. Страдал сексуальными извращениями. Шесть лет у меня был патологически повышенный аппетит. Я

присутствия безнадельного отчаяния, когда он целыми днями, а в конце и неделями сидел, запершись в своей роскошной спальне. И уже раньше слышал об одной его попытке самоубийства из-за неудачной помолвки с девушкой по имени Линда Вудроу. Ему тогда был двадцать один год. Это была типичная трагедия в стиле Элтона, где в равной мере смешались страдания и фарс. Он сунул голову в газовую духовку, но сначала из предосторожности открыл окно, кран открыл не полностью и предусмотрительно положил под голову удобную подушечку.

Теперь же стало известно о второй попытке покончить с собой. Как ни парадоксально, случилось это в самом зените его славы. В ноябре 1975 года в Лос-Анджелесе проходила неделя Элтона Джона. Его имя красовалось в одном ряду с крупнейшими «звездами» кино на аллее славы Голливуда. Каждый вечер он выступал на стадионе «Доджер» с концертами, все билеты на которые были распроданы заранее. Жил в Беверли-Хилз в старом роскошном особняке знаменитого продюсера Дэвида Селзника. На это длительное празднество из Лондона самолетами доставили специально для него целый «отряд» персонала, множество друзей и родственников... И вот в один из тех дней, когда гордые за него родственники собралась вокруг плавающего бассейна, Джон проглотил шестьдесят таблеток валиума. И...

— На глазах у моей матери и семидесятилетней бабушки с криком «Хочу умереть!» я бросился в бассейн. Никогда не забуду, как меня оттуда вытаскивали. Слышал, как бабушка сказала: «Думаю, всем нам пора отправляться к себе домой».

Спасительная соломинка

СЕГОДНЯ Джон объясняет большую часть своих трудностей несчастливством детством. Он рос в пестрой семье Пиннера — одного из самых тихих и благопристойных «спальных» пригородов Лондона.

— Отец никогда не проявлял своих чувств ко мне, и все переживания я держал в себе. В семье меня неизменно показывали другим как примерного ребенка, и, думаю, это осталось со мной навсегда. Мне никогда не хватало мужества поступить так, как диктуют мои чувства, — скажем, не выходить из спальни, когда невамотугу. Я в этих случаях всегда заставлял себя выступать. Я всегда слишком боялся разочаровать публику.

Крайности в поведении Джона постепенно привели к отчуждению между ним и матерью Шейлой, его неутомимой союзницей и защитницей еще с тех давних времен, когда он как автор песен соперничал с издателем музыки «Битлз» Диком Джеймсом. Шейла дала им с Берни Топингом (близкий друг и неизменный соавтор Джона. — Ред.) первое пристанище, где началось их совместное песенное творчество. Они делили крошечную комнатку в ее домике в Пиннере, спали на двухэтажной детской кровати. Топинг обычно писал тексты в спальне, затем спускался с ними в гостиную, где за пианино работал Джон.

— Мама всегда меня поддерживала, даже когда обо мне пошли разговоры, и я ей признался в своей бисексуальности. Но к середине восьмидесятых годов даже ее терпение иссякло. Они с отчимом уехали из Англии и стали жить на Менорке.

Первой спасительной соломинкой для него стало решение покинуть свой дом в Старом Виндзоре в разгар грандиозного ремонта, который он там затеял после несчастного супружества и который грозил растянуться на три года. В памяти Джона вдруг всплыли тогда ужасные воспоминания о встрече с Элисом Пресли незадолго до его смерти в особняке, очень по-

хожем на его собственный, о царившей там душающей атмосфере.

— Выглядел он ужасно — был обрюзанный, по лбу стекала краска с волос. Вокруг него сутились десятки людей. Считалось, что они ухаживают за ним, но он уже выглядел мертвецом. И вдруг понял, что надо немедленно что-то изменить, найти какой-то выход, иначе я кончу точно таким же образом, как и Элис...

Выход был найден — он снял этот небольшой дом возле Холланд-парка и предпринял последнюю отчаянную попытку начать «нормальную» жизнь.

— До этого я никогда не жил сам по себе. Сначала жил дома с мамой, потом жил с Джоном (его администратор Джон Рид. — Ред.), а дальше — гастроли, когда меня постоянно окружали какие-то люди. Утром я вставал, умывался, и уже начиная с этого момента за меня все делали десятки людей. Я решил, что буду жить здесь один и все делать сам — сам звонить по телефону, сам укладывать чемоданы перед поездками. Первые месяцы я целыми днями сидел в спальне, боясь выйти наружу, и решал кроссворды из «Таймс». Когда я, наконец, набрался храбрости и решил отправиться в поездку, то обзавелся всех друзей. «Можешь себе представить? — хвастался я возбужденно. — Я сам заказал номер в гостинице!»

Большую часть времени единственным компаньоном Джона был Томас — тот самый тощий серый с белым пес-полукровка, что сейчас небрежно развалился у наших ног на дорогом ковре ручной работы.

— Я решил завести собаку и отправился в собачий приемник в Баттерси. Все собаки в клетках лаяли как сумасшедшие. Только одна лежала в углу клетки, такая же жалкая, как я сам. Я сказал: «Вот эта как раз для меня».

К тому времени он уже познакомился с молодым американцем, которого теперь безо всякого смущения называет своей «любовью на всю жизнь». За почти двадцать лет, что у него бывали связи такого рода, Джон не переживал ничего, даже отдаленно напоминающего то, что чувствует теперь.

Их отношения страдали от пристрастия Джона к кокаину. Наркотик создавал у него смертельно опасную иллюзию, будто его умственные и физические способности обостряются, в то время как они деградировали.

— После дозы кокаина я, как мне казалось, мог навести порядок во всем мире. Я поучал других: «Тебе нужно сделать то-то и то-то...» Не приходило в голову, что если кому и требовалась помощь, так прежде всего мне самому. В конце концов мой друг сказал: «Пора взяться за ум».

Друг Элтона тоже имел пагубные пристрастия и уговорил Джона вместе начать лечение. Решили, что каждый из них должен составить список самых больших недостатков другого.

— Его список начинался словами: «Элтон наркоман, алкоголик и обжора. У него бывают ужасные приступы буйства...» Мой список начинался: «Он невакантирует, не ставит на место компакт-диски».

Прощальное послание кокаину

ТРУДНОСТЬ заключалась в том, чтобы отыскать действенный способ возвращения к нормальной жизни. Единственный центр, который по-настоящему занимался лечением множественных пагубных пристрастий, был при Парксайдском лютеранском госпитале близ Чикаго. Его пациенты ставились в условия спартанского режима: спали на солдатских койках и сами стирали свое белье.

— Мне пришлось брать с собой пачки стирального порошка. Когда я ехал туда, то почему-то боялся, что не смогу управиться со стиркой. Увидев зведение, я чуть было не повернул обратно. Но потом сказал себе: «Элтон, больше тебе некуда деваться».

В курс лечения в Парсайте входило написание письма, адресованного наркотому, в котором пациент официально и окончательно прощался с ним. Он достает это написанное аккуратно

ным почерком на желтых листах послание и читает вслух. Звучит как прекрасная элегия, словно обращенная не к коварному белому зелью, а к ветреной любовнице: «Я посылал за тобой автомашину, даже самолеты...» Снова приходится удивляться, почему такой образованный, владеющий литературным словом человек боится писать тексты собственных песен...

Во время лечения в Чикаго Джон помирился с матерью.

— Она мне писала письма. Читая их, я плакал. Она мне говорила, что тоже плакала, читая мои письма к ней. Теперь, когда со мной все в порядке, она снова вернулась в Англию. Странно, но когда она жила на Менорке, у нее было плохо со здоровьем, а с тех пор как вернулась домой, чувствует себя превосходно. Должно быть, это чисто психическое — сказывалось беспокойство за меня.

Кроме того, в Америке, а потом и в Лондоне Джон стал посещать собрания общества «Анонимные алкоголики».

— Просто поразительно, как меня там приняли. Им было неважно, кто я такой. Впервые за двадцать лет я чувствовал себя абсолютно безвестным. Что касается «Анонимных алкоголиков», то, что бы ты ни натворил из-за своих дурных привычек, тебя там никогда не осуждают, а относятся с сочувствием и любовью. Это поразительно!

Подлинной наградой за долгие тяжелые испытания, говорит Джон, стало для него участие в судьбе больного СПИДом подростка Райана Уайта. Артист не просто оказал помощь этому мальчику из Индианы, как это сделали другие «звезды» музыки и кино, глубоко тронутые его мужеством, Джон тогда как бы страхнул с себя свой эгоцентризм, поглощенность самим собой. Он стал Райану старшим братом, а его родителям — преданным другом. Он помогал в организации похорон и даже нес гроб.

— Боже, сколько достоинства у этих людей! Они перенесли такие страдания, и никто не услышал от них ни слова жалобы. А моя жизнь осыпалась такими щедротами, но я никогда их не ценил. Я мог отказаться от номера в гостинице только потому, что мне не понравились цветы. Больше я никогда не буду жаловаться.

Он никогда не был верующим, но сейчас часто упоминает Всевышнего, к которому «Анонимные алкоголики» призывают обращаться, борясь с зависимостью от спиртного. Значение, которое в этой организации придается общению людей, умению взяться за руки и обнять друг друга, также было большим открытием для такого человека, как он, всегда стеснявшегося открыто выражать собственные чувства привязанности и избегавшего подобных излияний со стороны других.

Необузданное обжорство уступило место здоровому распорядку дня с трехразовым приемом пищи. И никакие перекусы в промежутках. Сахар и мучное исключены.

Слуга вносит серебряный поднос с чаем, бутербродами с семгой и темным шоколадным тортом под стеклянным колпаком. Джон разливает чай, добавляет молока и отрезает мне кусок торта — ему самому нельзя. Он поправляет бейсбольную шапочку. На мгновение обнажается голова, над которой специалисты по пересадке волос работали не менее кропотливо, чем вышивальщицы над гобеленами Байо. Увы, по-видимому, напрасно: темя пересекают лишь несколько редких темных прядей, напоминающих водоросли во время отлива.

Теперь, когда он полностью спокоен и верен лишь одному человеку, Джон делит время между домом и поездками к своему другу в Америке.

— Вместе мы делаем самые обычные вещи, каких я раньше никогда в жизни не делал. Как обычные туристы ездим в Париж, и я поднимаюсь на Эйфелеву башню. Раньше я ни разу туда не поднимался. Едем на Гавайи и купаемся в океане. Я бывал на Гавайях раз девять на гастролях, но мне и в голову не приходило там искупаться.

Он с нежностью говорит о своей бывшей жене Ренате Блауэл, на которой женился хоть и по любви, но еще, правда, и ради того, чтобы угодить матери. Ему по-прежнему кажется чудом, что эта женщина не погналась за его миллионом и искренне хотела урегулировать их отноше-

ния на любых устраивающих Джона условиях. Он по-прежнему признателен ей за то, с каким достоинством и выдержкой она вела себя во время затянувшейся процедуры развода, когда пресса выставила их напоказ, и благодарен за неизменно благородное отношение к нему.

— Когда «Сан» опубликовала серию статей о «малышках наркота», Рената была готова выступить в суде в мою защиту. А ведь мы тогда уже решили разойтись.

Рок с английской королевой

КОГДА-ТО у Джона была мания: ходить по магазинам и скупать там все что попаало. А потом наваливать покупки «под самую крышу». Сегодня в доме артиста практически не видно следов тех бывлых увлечений шопингом. На стенах одна-две картины, исполненные в спокойной манере. В нише на возвышении — электрическое пианино и разноцветный проигрыватель для компакт-дисков. От прошлого осталась одна страсть — одежда.

— Я, как и раньше, покупаю костюм не задумываясь. Это у меня реакция на неприятные воспоминания детства. Мама, бывало, брала меня с собой в Лондон присмотреть мне пальто. «Что-то не могу решить, то это или не то», — неизменно говорила она. — Давай подожди, приедем на следующей неделе и померем еще раз...»

Джон признает, что слава не только создала ему уйма проблем, но порой приносила такие моменты, о каких мальчик из лондонского пригорода не смеет даже мечтать.

— Например, мое выступление в Виндзорском дворце на приеме по случаю дня рождения принца Эндрю — ему тогда исполнился двадцать один год. Когда я приехал, там еще никого не было. Только танцевальный оркестр и принцесса Диана. И мы с ней целых двадцать минут одни танцевали чарльстон! Потом ко мне подошла принцесса Анна и спросила: «Не хотите ли потанцевать?» Что мне оставалось? Сказать: «Нет, отвязались!» Мы пошли в зал танцевать. Музыканты играли тихо, чуть слышно. Держался понемножку. Тут вошел королева с королевским комитетом и спрашивает: «Можно ли присоединиться к вам?» Как раз в этот момент музыканты переходят на «Круглосуточный рок» Билла Хэйли. И я танцую рок с английской королевой!

Спустя почти три года, после того как Джон начал перестраивать свой Вудсайд, работы там закончены, и дом почти готов к переезду туда хозяина. Вместо бывшего склада всякой всячины теперь это — жилище солидного землевладельца. Отделанное в спокойных тонах, украшенное скромными гравюрами и каминными. В усадьбе вырыто новое декоративное озеро, вмещающее 3 миллиона галлонов воды. Полукровка Томас познакомится здесь с другими любимицами Джона — двумя немецкими овчарками и двумя ирландскими волкодавами. Один из уголков сада выделен под кладбище собак, которых Джон имел в разные годы.

Певец, как всегда, живо интересуется самой современной музыкой, награждая новинки своими едкими комментариями. Он терпеть не может рэп, его раздражает поза и лень молодых рок-музыкантов, которые уверены, что ключ к успеху — это ультрамодный видеоклип.

— Путь к успеху все тот же, что и в начале семидесятых, когда начинал я. Надо идти к публике и завоевывать ее... Поездить по всей Америке, не претендуя на первые места в афишах... Постепенно завоевывать популярность в Европе. Ради успеха надо протереть не один штаны.

У самого Джона всего одна проблема — что дальше? Вот уже много лет говорят, что его необычайно плодотворное сотрудничество с Берни Топингом должно вылиться в создание мюзикла. Джон признает, что он порой испытывает соблазн осуществить это — хотя бы для того, чтобы «утереть нос Эндрю Ллойд Уэбберу с его операми без единой сносной мелодии».

— Беда в том, что я не большой поклонник мюзикла. Откровенно говоря, не представляю, чем буду заниматься в ближайшие годы. Не исключено, что чем-нибудь связанным с благотворительностью.

На прощание несколько слов о моей книге:

— Спасибо за посвященный мне труд.

Он аккуратно записывает мой телефон в крошечную записную книжку.

— На днях я уезжаю в Штаты. Но как только кончу читать книгу, дам вам знать. Я позвоню — может быть, вместе пообедаем...

Нужно ли говорить, что тез поэт от него больше не было ни слова? ■